

Елена Неманова

Самарский потоп

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Неманова
Самарский потоп

«Автор»

2020

Неманова Е. Е.

Самарский потоп / Е. Е. Неманова — «Автор», 2020

Увлекательные и опасные приключения девушки следователя в постапокалиптической Самаре. Техногенная катастрофа в период эпидемии полностью меняет жизнь горожан, заставляя их выживать и искать пути к спасению. Содержит нецензурную брань.

© Неманова Е. Е., 2020

© Автор, 2020

Елена Неманова

Самарский потоп

Часть 1.

"Родившись, Родину не выбирают.
Младенцам до неё и дела нет.
О ней скорбят, лишь те, кто умирают.
В чужой, не полюбившей их Земле.
Скорбят о ней предатели и судьи.
И диссиденты, твари всех мастей.
А мы, простые, искренние люди.
Родились и умрем в Земле своей."
Елена Неманова

Пролог.

Нынешняя аномально теплая зима в России – это результат применения климатического оружия США: смелый депутат ГосДумы вслух произнес то, о чем миллионы обывателей стеснялись сказать. Или спросить. Этот же депутат, Журавлев, летом обнаружил американский климатический оружейный след в сибирских аномальных пожарах.

По данным Википедии, имеющийся на вооружении штатов Комплекс ионосферных исследований (HAARP) построен для изучения природы ионосферы и развития систем противовоздушной и противоракетной обороны.

Развертыванием комплекса и исследованиями на нём занимается «лаборатория Philips», расположенная на базе ВВС США в Кэртленде, штат Нью-Мексико. Ей подчинены лаборатории астрофизики, геофизики и средств поражения Центра космических технологий военно-воздушных сил США. В отличие от радиовещательных станций, многие из которых имеют передатчики в 1 МВт, но слабонаправленные антенны, HAARP и подобные ему системы используют остронаправленные передающие антенны, обычно фазированные антенные решётки, способные фокусировать почти всю излучённую энергию в узком луче и, следовательно, на небольшом участке пространства.

Но, не только США обладают таким оружием. Хотя, разработки штатов впереди планеты всей, второе место по мощности занимает отечественный комплекс «СУРА», находящийся в России, в Васильсурске.

На Украине аналогичный радиоастрономический комплекс «УРАН-1» в Харьковской области.

Так же есть подобные комплексы в Перу в Кахамарка и в Норвегии две станции EISCAT в Тромсё и SPEAR в Лонгйир.

Понятно, что перечисленные комплексы создавались что бы их использовать, в погоне за мировым господством. Беззвучное и подлое оружие, приносящее миллиардные прибыли избранным и нищету и страдания, смерть миллионам людей. А это именно оружие, гипотетическое оружие массового поражения и разрушения экономики отдельно взятой страны или группы стран, использующее в качестве поражающего фактора искусственное воздействие на природные ресурсы, погоду и климат отдельно взятой территории, страны, государства, материка, континента. В качестве механизма «пуска» могут быть использованы различные технологии и средства, искусственно созданные техногенные катастрофы, влекущие за собой эко-

логические катастрофы и, как следствие, создающие экономические проблемы (кризисы). (по оценке Википедии).

"Когда уходите на пять минут,
Не забывайте оставлять тепло в ладонях.
В ладонях тех, которые вас ждут,
В ладонях тех, которые вас помнят..."

Омар Хайям

Глава 1. Анта.

Зовут меня Ольга. Я следователь, простой российский, утонувший в пучине работы, без личной жизни, за исключением мимолетных интрижек и коротких романов. Все мои приобретения на сегодняшний день, небольшая квартира в Солнечном микрорайоне, дача в соток в массиве от завода "Металлург" и пес. Точнее, психа, как я её в шутку называю, Анта, непонятной породы, подобранная мной на улице в один из морозных вечеров в прошлом году.

Это было под Новый Год. Волочать вечером с работы, как старая кляча, по мокрому грязному снегу под горку от остановки, по тропинке, вглубь своего микрорайона я вдруг заметила некое препятствие.

– Хм, подушка? – произнесла я вдруг вслух. Странная большая рыжая лохматая подушка преграждала мне путь. Я приблизилась и рассмотрела. Большая собака лежала на мокром снегу вывалив огромный язык. Пахло кровью. Под ее головой расплывалось большое бурое пятно. Я присела прямо на это бурое коленями, оторопев. Потрогала ее за голову и расслышала тихий стон. Живая, подумала я. Попыталась ее приподнять. Собака слабо пошевелилась и открыла глаза. Огромные черные глаза, полные боли. Моё сердце сжалось. Вдруг, позади послышались чавкающие шаги. Тяжелые шаги приближались.

– Помочь? – прозвучал густой басовитый мужской голос. Испугавшись от неожиданности, я обернулась. Передо мной стоял мужчина, ростом под два метра в заломленной на бок собачьей шапке, в черной дохе. Во рту у него торчала сигарета, дымя ему прямо в левый глаз, от чего он морщился, кривя лицо.

– Даа... Помогите пожалуйста, собака умирает. – Он, ничего больше не спрашивая, сгреб своими огромными ручищами собаку и взвалил себе на грудь. Собака слабо взвизгнула.

– Куда нести? – выплюнув догоревший бычок, спросил бородач.

– Сюда! – я показала на свой подъезд и мысленно зажмурилась. Что я делаю, как я эту псину буду спасать, зачем она мне, зачем все...?

Заляпав кляксами крови подъезд и лифт мы поднялись на пятый этаж. Я отперла дверь квартиры и позволила бородачу пройти. Он аккуратно свалил ношу на паркет в прихожей, похраптел неловко, стянул овечью рукавицу и протянул ко мне руку.

– Деньги давай. – Я не раздумывая полезла в сумку, вытащила кошелек и достав голубую тысячную, протянула ему. Мужик, ловко схватив купюру, довольно хмыкнул и произнес:

– Приходи ещё! – с кривой улыбкой добавил он, шагнул за дверь гулко ее захлопнув.

Я кинулась к собаке. Огромная туша заполняла почти половину моей немаленькой прихожей. Я обалдело смотрела на рыжего тельца с окровавленной шеей и длинными мощными конечностями, нелепо раскинутыми вокруг нее. Принесла из холодильника перекись водорода. Была, не была. Раздвинув шерсть на шее зверюги, обнаружила зияющую небрежными краями рваную рану. Как будто собаку колючей проволокой тащили за эту самую шею, выдирая шерсть и разрывая шкуру. Медленно и осторожно полив сразу зашипевшую жидкость на разорванную

шею собаки, стала звонить собачьему доктору. Собака, вздыхая, издавала такой характерный звук, на вдохе – Анн.. и на утробном на выдохе – таааа. Как будто называла себя, Аннтааа...

В ожидании ветеринара присела у стены. Двигаться не хотелось. Руки и ноги постепенно наливались тяжестью.

"Чтоб выжить и прожить на этом свете,
Пока земля не свихнута с оси,
Держи себя на тройственном запрете:
Не бойся, не надейся, не проси."

Игорь Губерман

Глава 2. Наша служба.

День, обретения мной Анты, был трудный на работе. На селекторе пропесочили до мозгов. Плохая раскрываемость, отвратительная профилактика и т.д и т.п. Генерал недоволен. Да шёл бы он! Когда в сейфе 37 уголовных дел лежат. И постоянные дежурства и "усиления" элементарно не дают сосредоточиться на текущем.

С утра припрягли на труп. Начальник следственного отдела, Чубахин в дежурке кричал так, как будто у него маму убили, потом надругались и воскресили и опять убили.

По сводке, на 5:30, 25 декабря 2019 г. жильцами дома 88, по ул. Свободы, в подвале обнаружен труп. Кому, интересно, понадобилось лезть туда в 5 утра? Дежурившая в ту ночь группа разбиралась с кражей солений из подвала в одном из домов на Безымянке, и так и не успела к концу смены подъехать на труп.

Когда, в 9:00 вновь заступившая на дежурство оперативная группа, во главе со мной, подъехала по указанному адресу, там уже был наш районный прокурор Суриков. Замечательный умный, добрый, старый дядька. Не раз приходилось вместе работать. Участковый Семёнов провел нас в душный и сырой подвал. Нормальный был труп, мне не вонял, у меня насморк. Прокурор, старый дедуля, склонился над трупом на долгих несколько минут и дребежжающим голосом констатировал: "Двое суток, не меньше." Потом, помогая эксперту раздевать погибшего мужчину, все крестился на него и просил прощения: "Прости нас, что тревожим тебя, мы же не по своей воле. Покойся с миром. Прости нас." – И так по кругу.

Труп мужчины лежал на стопке деревянных поддонов в центре слабоосвещенного подвального помещения, раскинув руки и ноги с запрокинутой головой и перерезанной шеей. Неумело перерезанной. Я видела умелые разрезы. Я видела как резали друг друга кавказцы, неистово, кинжалами. Видела их жертв, с тонкими ровными порезами на спинах, проникающими в почки. Даже однажды видела порез самурайским мечом. Я конечно не судмед. эксперт, но, за долгие годы научилась разбираться в повреждениях. Шея трупа была порезана небрежно, как будко крышкой от консервной банки. Рваные края кожи на горле расходились ассиметричным узором. Пока эксперт-криминалист, любимчик женской половины отдела, Жора Асмус, снимал с ног трупа пятую пару вонючих носков, участковый инспектор Семёнов тихо блевал на трубу отопления в дальнем углу подвала. Опера технично смылись, под предлогом поквартирного обхода. Я заполняла протокол осмотра места происшествия. Вдруг, подвальная дверь с тихим скрипом отворилась, пролив неровный серый утренний свет в помещение. В проёме показался темный силуэт. Раздался сиплый шепот: – "Давайте тут потише, придурки, менты рядом бродят, я патрульку видел во дворе! "

Я перестала писать протокол и замерла. Участковый оторвался от трубы отопления, выпрямился и икнул. Эксперт нервно хихикнул. Прокурор, отняв собранные щепотью пальцы ото лба, обернулся на говорящего. Воцарилась пауза.

– А ну, иди сюда! – пришедший в себя Семёнов резко рванул к двери. Даже не ожидала от него такой прыти. Мощный, как кабан, участковый, в три прыжка преодолев подвальное помещение, на ходу утирая слюни с подбородка рукавом куртки, и уже намереваясь выскочить наружу, хватил лбом полотно железной двери, которую удачно с силой прикрыл непрошенный гость. Раздался гулкий удар. Семёнов, охнув, повалился на спину, и замычал как раненый тюлень. Снаружи доносился галопирующий по мокрому снегу топот ног визитера. Эксперт заржал. Нет, он просто зашёлся в еле сдерживаемом беззвучном истерическом смехе, норовя протереть вонючим носком выступившие слезы на глазах. Но, что-то останавливало его в последний момент, и он, согнувшись пополам от смеха, засунул руки вместе с носком себе между ног. Я бросила на пол планшетку с протоколом и подошла к Семёнову. Огромная красная шишка наливалась на лбу участкового. Он, поднеся руки к вискам, видимо не решаясь дотронуться до раненного лба, промычал: "Болиит голова, охohoхо..." . Асмус, утирая слезы рукавом, склонился над участком и издевательски постучав себя костяшками пальцев по лбу, произнес: – "Нечему там болеть! Там же кость"!

Вернувшись в отдел, заварила себе крепкого чая и села разбирать материал. Кабинет мы делили на троих. Два других следователя, Силантьева и Малышева работали по нераскрытым. И ни одной из них в кабинете не было. Зажав бокал с чаем в обеих руках, облокотившись локтями на письменный стол, я смотрела окно. Шёл дождь. Вода, стекающая по стеклу, образовывала причудливые узоры, натекая на лед в самом низу рамы, дополняя и дополняя неровную прозрачную "шубу".

–Надо же!– подумала я. Конец декабря и дождь.... Чай приятно согрел нутро. Тишина. Тут мою нирвану прервал ворвавшийся в кабинет начальник уголовного розыска, Востриков. Раскрасневшийся, он практически вбежал в кабинет и растерянно остановился.

– А, где? – в пространном жесте он обвел рукой столы моих коллег и замер.

– А, нигде. Не знаю. Мне не доложили. – Недовольно ответила я и отвернулась, уставившись в окно. Недолюбливала я начальника "угла". Недалекий, с гонором, с рябой от оспин мордой лица он вызывал какое-то подсознательное отвращение.

–Оля! Оленька! Проси что хочешь! Надо срочно человечка допросить! По угонам задержали, у него куча эпизодов! Ребята из Кировского района доставили, в ИВС*ке сидит. Где эти, блин, мартышки твои? Я б не стал просить, но очень надо! – с жаром, складывая ладони на груди и как-то нелепо приседая, молил он.

Господи, только бы на колени не встал, как наш зампотыл Носков, когда надо было набрать команду на районные соревнования. Стрельба, силовые, кросс, все спортивные дела. Я в тот момент у зама по следствию была в кабинете, редактировали обвинительное. А он как с порога плюхнулся на колени и пополз в форменных брюках, глядя на меня глазами побитой собаки, приговаривая: " Ольга, выручай, больше некому!" Так и пришлось ехать.

Нет, не из-за него, не ради Вострикова, я согласилась. Просто практика такая у нас. Мы, следователи, друг другу помогаем. Надо допросить, допрашиваем и не по своим делам. Взаимовыручка. Надо, так надо.

Существует такой порядок. Для ясности. Оперативники не могут официально, под протокол, допрашивать задержанных. А следователь, к примеру, не может завести розыскное дело. Профессиональные нюансы.

– Ладно, приводи. – Буркнула я.

–Ага, сейчас конвой из ИВС поднимет. Только никуда не уходи! – прокричал он уже на выходе.

Я закрыла глаза, все еще сжимая чашку с остатками чая в руках. Бешенный денек. И девчонки, как на зло, запропастились. Вдев нитку в толстую штопальную иглу стала подшивать материал по подвальному трупу, как в дверь робко постучались.

–Да, да, входите! – ответила я, не отрываясь от работы.

В кабинет вошел высокий нескладный мужчина, которого я сразу узнала. Это был Макаров, потерпевший по делу о разбойном нападении, в многоэтажке по Стара-Загоре. Какие-то придурки, ночью, ворвались в его квартиру, отмычкой отперев дверной замок. Избили, порезали спину ножом, все перевероршили, забрали электронную книгу, кожаную куртку и сбежали. По моим дежурным суткам был материал, выезжала я на эту квартиру. Там и брать то нечего было особо. Обстановка спартанско-убогая, гробина телевизор, тахта – аля 80-х, выцветший от времени палас, старая мебель. Кухня с поведенными от влаги ДВПшными шкафчиками. По чьей-то иронии, хозяин квартиры был ей под стать. Невнятный, невзрачный, какой-то забитый. Хотя, глаза его светились умом, ясные такие, иссиня-серые. Мне, почему-то, было его жаль.

– Я паспорт принес и ксерокопии. Как велели.– Тихо сказал терпила и присел на краешек стула для посетителей.

А дальше события понеслись как глупом анекдоте. Дверь вдруг резко распахнулась и в кабинет вихрем влетел Вострецов. С размаху влепив моему терпиле хлесткую пощечину, он оскалился в гадкой улыбке и произнес:

– Добегался, сучара?!– Тут же схватив за спинку свободный стул, Вострецов развернул его в воздухе и уселся верхом, как на коня, напротив Макарова, вперив ему в лицо своё лицо.

У меня в горле застрял воздух. Как будто я проглотила надутый жвачкой шарик и это шарик залепил и заблокировал все мои органы речи и дыхания. Я вскочила со стула, беззвучно открыв рот, пролив остатки чая на документы. Бедный Макаров, вытаращив влажные от слез глаза, зажимал ладонью пунцовую от удара щеку.

– Владимир Васильевич! – произнесла я вдруг вернувшимся хриловатым голосом.

–Это мой потерпевший по делу на разбойном нападении! – стойко сдерживая себя, что бы не грохнуть чайным бокалом по лысой макушке Вострецова.

Алая от прилива адреналина физиономия Вострецова вдруг пошла белыми пятнами. Он медленно поднялся со стула и, заикаясь, произнес: "Ии... извиняюсь. Ошибочка вышла. По делу работаем, запарка. Поймите. Эмм.... Еще раз извиняюсь! – он как-то сосредоточенно поднес ко рту собранные в кулак отбитые заскорузлые пальцы и сухо кашлянул, после чего быстрыми шагами вышел из кабинета.

Страхивая с документов и со стола капли чая я глухо произнесла: "Извините. Давайте пропуск, подпишу." Макаров дернулся, привстал, но быстро осел на стул. И тут я увидела, как по его штанам расплзается мокрое пятно. Я отвернулась к окну, молча пододвинув к потерпевшему документы. Только по шороху удаляющихся шагов и всхлипам поняла, он ушёл. Уж как он там прошёл мимо дежурки, без пропуска, без подписи, одному Богу известно. Но, Макаров не вернулся и не звонил. Больше я никогда его не видела.

"Если небо над тобой падает, гремя,
Ты держись за нас с тобой, значит – за меня.
Если под тобой земля делает кульбит,
Ты вцепись зубами в воздух, он еще висит.

Держись за все, что в тебя и мимо,
За пулю в сердце, за нож, за мину.
За конский волос, за что попало,
Держись! Такая судьба досталась.

Никогда не отступая, победить нельзя.
Никому не уступая, полюбить нельзя.
Никогда не умирая, не оценишь жизнь.
Если ты дошел до края – падай, но держись!

Держись за все, что в тебя и мимо,
За пулю в сердце, за нож, за мину.
За конский волос, за что попало —
Держись! Такая судьба досталась. "

Татьяна Смирнова

Глава 3. Волна.

Сегодня у нас после обеда стрельбы в тире, четверг... Четверг, не как у обычных людей – рыбный день. В полиции Четверг – день стрельб! Как говорит наш начальник, Чубахин – следователь может уйти на больничный только с диагнозом – Сибирский ящур и пропустить стрельбы только по причите летального исхода. Все остальные причины неприсутствия – измена Родине.

Получив табельный макарон, я решила съездить домой на обед, покормить собаку. Как пить дать, засунут после обеда на какое-нибудь собрание после стрельб, или еще что-нибудь придумают. Успею, подумала я. Быстро собрав с рабочего стола всю самую ценную "макулатуру" в сейф, накинула куртку, повесила сумку на плечо, заперла кабинет и торопливым шагом направилась в выход. На крыльце курили наши следачки. Смеялись и кашляли, о чем то сплетничали.

А в этом году зима выдалась никакая. Нулевая температура по ночам сменялась на плюсовую утром и выпавший ночью белый и пушистый снежок безвозвратно превращался в серую кашу, оседающую бесформенными кляксами на моих ботфортах и сумке при каждом шаге. Примерно, как в марте в Париже, только у нас дома пониже и асфальт пожиже. Марток на дворе, но, поговорка про семь порток нынче не сработала. По зомбо-ящику, выступавший в телешоу депутат ГосДумы сказал, что Россию атаквали климатическим оружием. Бред какой-то. А если правда? А наши доблестные контрразведчики и разведчики и все там, кому положено, просто сидели и наблюдали что ли? Были же в Крыму, вежливые такие, в зеленом, кошек еще гладили... А тут проморгали? Не смогли противодействовать? И ведь молчок! Так, неофициальная отсебятина. Где эти гладильщики, вежливые, до самых "колокольчиков"? Служба, первоочередной задачей которой, является защита страны и её граждан от внешней агрессии!

Перебежав дорогу, вскочила в подошедший трамвай. Удачненько, подумала я и ждать не пришлось. Трамвай, мерно постукивая колесами, покачивая подо мной холодное сидение, вез меня домой. Прислонив голову к стеклу я почти дремала, сквозь полуприкрытые веки, рассматривала самарские улицы. Черные мокрые деревья. Мокрые, окрашенные во всю гамму потеков ржавчины дома. Любимая с детства улица, Ново-Вокзальная. Здесь я родилась и выросла, здесь был мой Дом. Любимые бабушка и дедушка, запах пирогов, уют, шерстяные носки, сладкая пареная тыква, жареные семечки... Эх, детство, как я по тебе скучаю! Незаметно время пролетело, все в какой-то суете, учебе, неотложных делах и вот, уже 35... Нет уже родителей, нет бабушки и дедушки. Семей так и не обзавелась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.